

БАНК ВОСТОК ПОДДЕРЖАЛ «BLACK SEA MUSIC FEST» В ОДЕССЕ

Шестой Международный музыкальный фестиваль «Black Sea Music Fest» состоялся в Одессе. Восемь замечательных концертов с участием звезд мирового уровня, Национального одесского филармонического оркестра и дирижера — народного артиста Украины Хобарта Эрла, звучали в Зеленом театре до 28 сентября.

В честь Дня Одессы оркестр традиционно представил программу «Odessa International» в зале филармонии. Среди участников фестиваля — солисты Мидори, Орест Смвж, Александр Романовский. Прозвучали произведения Бетховена, Малера, Берга, Рахманинова, Чайковского, Безбородько, Остаповича и других композиторов.

— Фестиваль «Black Sea Music Fest» проходит шестой раз. Это демонстрирует высокий уровень события и заинтересованность одесситов и гостей города в классической музыке. Банк «Восток» видит в своих приоритетах поддержку культуры в Украине. Мы, в первую очередь, принимаем участие в организации мероприятий, связанных с классической музыкой, театральной и интеллектуальной деятельностью. Уверены, что такая стратегия поможет социальному развитию и прогрессу в обществе, — прокомментировал открытие фестиваля председатель правления банка «Восток» Вадим Мороховский. ♦

bankvostok.com.ua

Григорий Барац

Как они похожи! Синие глаза, синее море. Неспokoйное спокойствие.

Море словно заснуло, едва шевелясь у самого края песочного ложа. Дремлют на внешнем рейде почти невидимые корабли в ожидании своей очереди входа в порт.

Жванецкий умиротворен. Удивлен собственным состоянием отдыха, который считает бездельем.

— Не пишется, понимаешь, не пишется, — досадует Михалыч. — Второй день вожу ручкой по бумаге, не оставляя на ней мысли, — смеется он.

Небольшой столик на пятерых, покрытый белой скатеркой, постепенно заполняется одесской закуской.

— Одесская еда! — восклицает он, воздевая руки к небу. Он, искушенный гурман, испробовавший, пожалуй, кухни всех континентов и всех народов, не перестает радоваться, глядя на тюлечку-береговушку, проглядывающую сквозь белые луковые колечки, разноцветную мозаику запеченных на мангале овощей: сочные кругляши желтого и розового микадо, зеленые и пурпурные стрелы болгарского перца, в белых пятнышках синенькие, как в Одессе называют баклажаны.

Украшение стола — салат из пахнущих степью и морем помидоров и огурцов, нарезанных крупными дольками, смешанными с полукольцами белого салатного лука, почти весь утонул в соусе и потому подан в глубоких пиалах.

— Какая прелесть! — восторгается и по-детски радуется Жванецкий этому незатейливому кулинарному блюду. — Он же по ватерлинию залит овощной юшкой. Есть салат ложкой — это только у нас! Тост, обязательно тост! Это есть без тоста нельзя!

Верный соратник, заботливый друг Олег Сташкевич предлагает поднять бокалы за здоровье Михалыча.

Сколько здравниц и пожеланий слы-

ПИСАТЕЛЬ И МОРЕ

шал Жванецкий в свой адрес, но тень смущения все равно скрыть не может. Тут же переключает внимание, предлагая тосты за жену Наташу — самого дорогого ему человека, за Иру, неоценимую помощницу и подругу. И, чтобы окончательно отвести внимание от себя, предлагает выбрать что-нибудь на горячее.

— Даже ставридка уступает барабулке в кляре, — произносит он, смакуя название рыбешек.

Его детская неподдельная искрен-

ность позволяет видеть невидимое, удивляться обыденному, восторгаться и находить чудесное, что скрыто от ordinarily взгляда.

Несколько секунд он следит за ребятками, играющими на узкой полоске пляжа. «Дети на песке становятся совсем другими, — задумчиво произносит он, — видимо, не боятся ушибиться». Вглядываясь в сумеречный горизонт, он подготавливает заходящее солнце: «Вот-вот, еще немного — и будут видны огоньки кораблей на рейде».

— Это же надо, чтобы нам так повезло — родиться на берегу такого удовольствия, — неподдельно удивляется он, обхватывая руками лежащее у его ног море.

В спокойствии моря кроется потенциальная сила шторма. В «бездель-

ничаньи» Жванецкого — накопление идей, впечатлений, находок для новых открытий.

Чувствую себя все время должником этому удивительной прозорливости человеку. Ловлю себя на том, что пользуюсь его фразами, его мыслями. Масштаб писателя Михаила Жванецкого носит глобальный, мировоззренческий характер. Не верю своему счастью, что могу называть его Мишенька и поправить плед на его плече. ♦

НА ЖЕЛТОМ КАМНЕ

Сергей Брайко

С художником Володей Сакалюком мы одногодки. И, как потом оказалось, еще и соседи «по детству». Мои Дальние Мельницы и его Вторая Застава — районы, равноудаленные от центра города. Савицкий парк мы с заставскими делили мирно. Негоже с соседями воевать!

Сейчас Сакалюк — декан, заслуженный художник, председатель живописной секции одесского НСХУ, а главное — яркий представитель и рьяный поборник традиций южнорусской, или, если хотите, одесской художественной школы. Все это, повторяюсь, сейчас. А в детстве, что у него на Столбовой, что у меня на Фабричной, борщи варили на керогазах; вещи, белье и нас, пацанов, от грязи отстирывали в локанках, а новости узнавали из радиоточек. При нас запускали третий маршрут троллейбуса, Ивановский путепровод и первых людей в космос. Но главное, что было общего в этих окраинных районах, — это дворы! Многонациональные, шумные, но

при этом дружные, вечно пахнущие жареной ставридкой, кабачками и котлетами одновременно. Квартиры в них не запирались, а ватага вечно бегающих, прыгающих и визжащих пацанов и девчонок перемещалась из одного конца двора в другой! Вот кто-то вынес во двор большую лохань, вот кто-то протянул из дома шланги уже от желающих поплескаться нет отбоя.

Вовке в тот день повезло. Еще вчера тетя Роза на весь двор объявила:

— Завтра везу своих шалопаев на Желтый камень.

У тети Розы было три сыночка. Три годка: Саша, Яша и Аркаша. Младший, Ар-

каша, дружил с Володей, и он устроил маме гембель:

— Давай возьмем Вовчика!.. Ну давай возьмем!

Вова, в свою очередь, устроил гембель своей маме. В конце концов было решено, что тетя Роза выгуляет на море всех четверых!

За чужим ребенком в таких случаях присмотр особый. Скорее даже не присмотр, а строгий надзор.

— Вова, вылез из воды — ты уже синий!

— Вова, одень маечку — ты уже красный!

— Вова, далеко не ходи, будь, чтобы я тебя видела.

И вдруг, вынимая абрикосовую косточку из рта:

— Софа! Софочка, ты откуда? Как ты похорошела! Это сколько ж мы не виделись?

— Розочка, Боже мой! Да, наверное, с самого института!

И уже подойдя к самой подстилке:

— Это все твои?

— Да! — гордо ответила тетя Роза!

— И этот тоже?! Студенческая подруга удивленно ткнула пальцем на худющего длинного шкета с голубыми глазами и волосами цвета льна.

Тетя Роза посмотрела на Володю, как будто в первый раз, потом перевела взгляд на троицу своих пухлых черноглазых кучерявых наследников, еще раз на обозначенный объект и промолвила:

— М-да. Видно, не очень хотелось! ♦

